

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

© 2009 г. В. А. Чуланов, И. В. Князев, В. И. Бондаренко

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного университета
(Новочеркасского политехнического института)*

Рассмотрена ситуация, при которой проблема социальных трансформаций из теоретического проекта трансформируется в реальные программы и политические конструкты. Проанализированы различные концепции, сущность и границы модернизационных процессов.

Ключевые слова: модернизация; парадигма; общество; глобализм; развитие; механизмы и модели модернизации; Россия; государство.

Authors of the article come from situation, when problem of social transformation from theoretical project is transformed into real programs and political constructions. They also analyzed some different concepts, essence and borders of modernization processes.

Key words: modernization; paradigm; society; globalism; development; mechanisms and models of modernization; Russia; state.

Изучение социальных трансформаций – процессов в высшей степени многозначных, многосторонних может вестись в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснять характер и направленность изменений. В современном отечественном общественном знании наибольшей популярностью пользуются три социологические макротеории: формационная, цивилизационная и модернизационная. Активное освоение последней началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. При этом интерес к модернизационной парадигме во многом объясняется надеждами на её познавательную эффективность при изучении той коренной политической, экономической и социокультурной трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х годов.

Модернизационная парадигма была сфор-

мулирована в середине XX века как одна из теорий общественно-исторического развития, согласованных с парадигмой прогрессивных изменений, очерченной философией Нового времени. Но основные принципы концепций модернизации были заложены классиками социологии ранее, начиная со второй половины XIX века, в исследовании становления капитализма и перехода от аграрных обществ к современным, индустриальным. Теория модернизации, осмысляющая трансформации традиционных ценностей, структур, отношений в модернизированные, «современные», успела сложиться в развитое направление в общественных науках, включающее множество аспектов, имеющих методологическое, теоретическое и прикладное значение. Проблемы модернизации разрабатывали такие крупнейшие учёные, как

М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Р. Парк, Ф. Тённис, Г. Беккер, М. Леви, Т. Парсонс, У. Ростоу, Дж. Грегор, Р. Рэдфилд, С. Эйзенштадт, Д. Рюшемейер, Г. Алмонд, А. Гершенкрон, Б. Мур и многие другие. В их концепциях накоплен огромный теоретический опыт анализа процессов перехода общества от традиционного к индустриальному, различные возможности, возникающие на этом пути, общие закономерности и особенности, связанные со спецификой общества и страны, переживающей модернизацию.

В 90-е годы XX века, в связи с событиями в Восточной Европе и Китае, началось возрождение интереса к парадигме модернизации. Новейшие теории модернизации, при всём свойственном им универсализме, отнюдь не пренебрегают огромным разнообразием модернизационного опыта и культурных форм, существующих в современном мире, что делает их плодотворными в исследовании новой и новейшей истории человечества на теоретическом уровне. К тому же модернизационная парадигма – это единственная метатеория, которая в полной мере воспринята социологической традицией. Она стала объективной основой большинства социологических построений и исторических концепций. Обусловлено это тем, что теория модернизации сочетает в себе элементы социально-философской теории и черты социологической доктрины, она гармонично сочетает решение задач исторической периодизации с определением структуры, характера и исторического места современных западных и восточных обществ.

Предпочтение научным сообществом модернизационного подхода в исследовании новейших трансформационных процессов объясняется ещё и тем, что теория модернизации с самого начала подвергала резкой критике разграничение обществ на «капиталистические» и «социалистические», отмечая, что оно не является сущностным, а поражение и крах коммунистических режимов укрепили эту позицию.

Сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма модернизационная парадигма прошла длительный путь совершенствования.

Продолжая развиваться, модернизационная парадигма совершает экспансию в новые для неё области теоретизирования и абсорбирует (и адаптирует) новые теоретико-методологические подходы. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности.

Объяснительные способности модернизационного анализа в отечественной социологии успешно используются не только для понимания изменений конца прошлого века, но и происходящих в России со второй половины XIX и на протяжении большей части XX века. Как и любые теории, будучи идеально-типическими конструкциями, они обнаруживают больший или меньший разрыв с конкретной действительностью. История свидетельствует, что социальные изменения всегда более многообразны, нежели их теоретические модели. Но, тем не менее, для понимания направленности, достижений, сбоев и прогнозирования тенденций развития трансформационных процессов в российском обществе, они имеют немалый познавательный потенциал и могут служить достаточно эффективным инструментом научного исследования. К тому же модернизационная перспектива – пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в её содержание.

При множестве наличествующих трактовок сущности модернизационных процессов, их общим основанием является признание того, что модернизация (буквальное значение слова «модернизация» – осовременение), в широком смысле, есть цивилизационный сдвиг, переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному, создание индустриальной инфраструктуры и общества потребления. Причём параметры функционирования нового типа общества «modernity» значительно выше, совершеннее, нежели традиционных.

Необходимо уточнить, что смысл поня-

тий «современное общество» и «традиционное общество» в теориях модернизации отличается от обыденного словоупотребления. Разрыв в социально-историческом развитии различных обществ поставил под сомнение общеупотребительное значение этих слов: настоящее одних обществ похоже на прошлое других или, напротив, представляет собой искомое будущее для третьих. Неравномерность развития привела к тому, что терминам «традиционное» и «современное» общество придано научное значение. Эти термины очень важны, так как модернизация – это особая форма развития, сутью которой является переход из традиционного времени в Новое, от традиционного общества к современному. Находящиеся как бы в разных временах незападные и западные общества стали именоваться так же как (соответственно) традиционные и современные. Начало этой тенденции положил М. Вебер. Запад для него был уникальным явлением, тождественным современности.

Таким образом, можно сказать, что в XIX веке современные общества и Запад – тождественные понятия. В XX веке современными стали называться в теории также общества, порывающие со своей традиционной идентичностью. Современное общество начало пониматься как особый тип цивилизации, первоначально возникший в Западной Европе и затем распространившийся в других регионах как система жизни, экономического, политического устройства, идеологии и культуры. Концепция «распространения» западных обществ применима, пожалуй, только к Германии. Ни Турция, ни Мексика, ни Россия, страны, продвинувшиеся к западному пониманию жизни, ни Китай, имеющий необычайное ускорение развития, ни Япония, достигшая и превзошедшая западные технические возможности, не стали Западом, хотя в той или иной мере стали современными.

Итак, мы полагаем понятия «традиционное» и «современное» общества эвристически ценными для анализа процесса модернизации и попытаемся теперь раскрыть их содержание.

Традиционные общества являются ис-

торически первыми. Это – общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимизации активности прошлое, традиционный опыт. Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; доиндустриальный характер, преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т. е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; преобладание особого психического склада – недейственной личности; ценностная рациональность; ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; локальное развитие и другие. В духовном смысле это общество не живёт сегодняшним днем: в нём нарабатываются долговременные смысловые содержания.

В ходе модернизации происходит переход к современному обществу (modern society). Оно включает в себя, прежде всего, коренное отличие современного общества от традиционного – ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни: поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, индустриальный характер, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т. е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; активный деятельный психологический склад личности; целерациональность; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация), универсальность развития (к образцам которого начинает устремляться весь мир).

Запад бросает вызов всему миру. Это – вызов современности. Современность – это не только Новое, иначе (быстро) текущее время, возникшее в уникальном опыте За-

пада. Это также – нечто передовое, лучшее. Английское слово «modernity» имеет не только тот смысл, что указывает на нечто, существующее сегодня, но показывает наивысший характер достигнутого уровня. Понятие «современное общество», относимое к Западу XIX и XX веков и последовавших за Западом стран в XX веке, применяется для характеристики наивысшего образца развития общества.

Следовательно, под модернизацией допустимо понимать процесс совершенствования экономических, политических и иных социальных механизмов развития общества с точки зрения критериев западной цивилизации. Модернизация в этом случае выглядит как процесс усвоения наиболее передовых для данного исторического периода промышленных технологий, экономических форм, сопутствующих им социальных и политических институтов, уровня культуры и т. д. Лидирующее положение, которое страны западной цивилизации заняли во всемирной истории, предопределило и ту роль ориентиров развития, которую играют наиболее развитые из них.

Движение к «современности» различных социальных систем происходит неравномерно, разными темпами. Западные общества первыми завершили модернизацию, а страны вне западной локализации либо исторически отстают, начав «модернизоваться» позже и находясь на том или ином этапе модернизационного процесса, либо оказываются за пределами исторического пространства, так и не став на путь «современности». Подобная логика модернизационных теорий выдаёт в них современный вариант модификации учений о прогрессе и идей единства человечества, всемирно-исторического процесса. Модернизация чаще всего представлялась глобальным процессом, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, согласно представлениям сторонников линейной модели модернизации, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Эволюция осуществлялась в

рамках определённых стадий или фаз модернизации, через которые должны были пройти все общества.

В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как процесс унификации, постепенной конвергенции сообществ. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом¹. Высшей стадией социального прогресса здесь выступал западный капитализм. Позже, в 80-е годы, многие западные учёные отказались от универсализма в понимании социально-экономического развития, подчёркивая важную роль социально-культурных аспектов общества в модернизационных процессах. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что основным методологическим принципом исследования модернизации является комплексный, формационно-цивилизационный, подход к развитию общества. Стержнем этого подхода служит понимание того, что в центре всей общественно-исторической эволюции, модернизации в частности, стоит развитие самого человека – и как субъекта преобразований, и как их главного результата, а цивилизационные и формационные особенности в конечном счёте суть проявления естественных и исторических условий развития и деятельности людей.

Но как бы там не было, референтные границы модернизационных процессов задавали именно страны Запада, поскольку капиталистический способ производства, пришедший на смену традиционному социально-экономическому и политическому укладу – продукт западноевропейской цивилизации. Следовательно, модернизация как процесс перехода к индустриальному обществу с развитыми рыночными отношениями

¹ Справедливости ради стоит заметить, что в последние десятилетия в рамках модернизационного подхода произошёл отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону единой универсальной цели (подобный подход сегодня трактуется как этноцентричный); признаётся возможность собственных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску), поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения.

ми, политической демократией, разделением властей и т. д. представляет собой, и исторически, и логически, результат развития этой цивилизации и неотделима от капитализма.

Исторический опыт современного развития стран Запада демонстрировал миру образцы эффективной деятельности во всех сферах общественной жизни, и экономической, и политической, и культурной и многих других. Поэтому, стремление достигнуть более высокого эффекта (показателей развития), прежде всего, социально-экономического развития в незападных странах, стимулировало адаптацию к образцам, стереотипам, возникающим на основе иных условий, при иных средствах и целях.

Чаще всего, в незападных обществах, выбор модернизационных моделей развития, был вынужденным и определялся стремлением преодолеть внутренние кризисы развития, особенно социально-экономические и технологические, обусловившие катастрофическое отставание от передовых капиталистических стран. Таким образом, импульсы запаздывающей модернизации задавались Западом, представляющим высокоэффективную модель динамично развивающегося общества, и зачастую, одновременно, выступающим для традиционных, отстающих обществ фактором внешней угрозы. Поэтому, модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс.

Следовательно, в результате исторических обобщений, можно говорить о различных механизмах протекания модернизации. На Западе она происходила, чаще всего, стихийно, в результате действия эндогенных факторов, через постепенное самопроизвольное накопление предпосылок в самых различных областях общественной жизни, соединение которых давало качественный толчок развитию. Для незападных стран, и России в частности, характерным был переход к модернизации путём сознательных усилий отдельных, влиятельных в обществе групп, чаще всего элит, осознавших губительность для общественно-экономического, реже политического развития, сохранения *status quo*.

Однако объективная потребность в том, чтобы подтянуться до уровня мировых лидеров, обычно возникала в отстающих странах до того, как полностью вызревали необходимые для неё внутренние условия. Главными субъектами преобразований в таком случае были государство и реформаторская часть правящего класса, начинавшие «революцию сверху».

Поражение России в Крымской войне вызвало в 1860 – 1870 годах реформы Александра II. Сейчас, даже трудно сказать, сколько десятилетий (если не столетий) «спокойного» эволюционного развития потребовалось бы России, чтобы в ней вызрел крепкий, динамичный капитализм, не будь Крымской войны, напомнившей о внешней угрозе независимости страны. Отправным моментом реформ 1861 – 1864 годов стала именно «революция сверху». Этот особый способ модернизации диктовали необходимость догнать Запад и неразвитость общественных отношений. В отличие от европейских держав, где уступки у трона вырывала обычно энергия народных масс, инициатором крупных преобразований в общественном устройстве России по большей части выступала самодержавная власть, принуждавшая к переменам не только народ, но и господствующие круги.

Предпосылками догоняющего типа развития, при котором на роль субъекта преобразований выдвигается самодержавная власть, были: слабость, неразвитость общественных сил, заинтересованных в переменах, вынужденный характер реформ (чаще всего под угрозой катастрофы) и, наконец, политическая апатия основной массы населения, особенно в начале преобразований. Так или иначе, но в течение трёх веков в России под влиянием сил европейского масштаба потребность в реформах возникала прежде, нежели страна созрела для изменений. Инициаторами перемен становились не общество и не народ, а самодержцы, вернее, верхние звенья государственного механизма (царь и его ближайшее окружение). Лишь в ходе перемен рождалось «сцепление» реформаторов и общества, идеи преобразования овладевали активной частью населения, а затем и более широкими его слоями. Так

это случилось после реформ 1861 – 1864 годов, в 1905 – 1907 годах.

Россия начиная с XVIII века и до настоящего времени искала удачные образцы для решения собственных проблем и обращалась за этим именно к Западу. Долгий, более чем трёхсотлетний цикл догоняющего развития России вобрал в себя много исторических фаз. Петр I создавал современную армию и флот, мануфактуры, где преобладал труд крепостных. Реформы Александра II отменили крепостное право, но не создали необходимых условий для беспрепятственного буржуазного развития. Октябрьскую революцию большевики тоже быстро вогнали в русло требований догоняющего развития (Ленин вполне в духе Петра I предлагал бороться с варварством варварскими же средствами). Сталинская индустриализация уничтожила русское крестьянство во имя «полной победы социализма» в СССР, на деле же во имя промышленного рывка страны. Все эти фазы объединяет желание власти догнать (и перегнать) Запад – прежде всего в военном отношении.

В конце XX века цикл догоняющего развития в российской истории закончился. Сегодня вопрос стоит иначе: либо мы войдем в сообщество цивилизованных стран, не догоняя, а встраиваясь в него, либо будем отеснены на периферию мировой историей. Для стран, переживших догоняющее развитие, эта дилемма типична. Разрешим ли мы её в духе времени, покажет будущее.

Как показал исторический опыт России и других стран, движение по такой «перевёрнутой» схеме далеко не оптимально и, более того, чревато серьёзными опасностями и противоречиями. И дело здесь не в том, что целевые установки, скажем, александровских реформ, отвечавшие практическим нуждам России, «внедрялись в косную социальную среду без учета специфики социально-экономической ситуации», как считает И. Дискин [1]. Основное препятствие заключалось, как он сам же справедливо замечает, в характере «вменённой» модели трансформации, при которой «общество априорно трактуют как косное и пассивное» [2]. Во-первых, при реформировании «сверху» политические

субъекты, действительно заинтересованные в модернизации, формируются медленно и с трудом. Общественные структуры, способные поддержать перемены, находятся в зачаточном состоянии, идеология радикальных партий сплошь и рядом умозрительна, утопична, не ставит и не решает злободневных для страны проблем. Во-вторых, пока серьёзной политической оппозиции начинаниям «верхов» нет (стоит ей появиться, как её подавляют), импульсы «снизу», усиливаясь, становятся разрушительными. В условиях общенационального кризиса, поражения в войне и слабости власти энергия низов, высвобождаясь, порождает социальный взрыв и хаос (как это случилось в 1917 г.).

Необходимость догоняющей модернизации в условиях «архаического» общества с традиционно сильным влиянием государственной власти порождала негативные особенности модернизационных процессов в России. И, прежде всего, это исключительная, в сравнении с другими страновыми и/или цивилизационными ареалами, роль государства в инициировании, определении направленности и осуществлении модернизационного процесса на всех его стадиях. Разумеется, государство играет весьма активную роль в модернизации любого общества, являясь её проводником и своеобразным гарантом. Однако в России государство (и прежде всего верховная власть), как правило, настолько жёстко контролирует процесс модернизации, что он предстает как цепь своеобразных «революций сверху», которые не только осуществляются зачастую силовыми методами и вопреки устремлениям основной общественной массы, но и по природе своей оказываются неорганичными политической и социокультурной специфике России. В результате успешное реформирование одних сфер общественной жизни сопряжено с застоем или даже упадком других.

Роль государства в России во многих отношениях отличается как от роли государства на Западе, так и от функций традиционной деспотической власти на Востоке. С одной стороны, российское государство есть сила, иницирующая эволюционные изменения, а с другой – представляет собой

инертную структуру, мало соответствующую природе глубинных социальных преобразований как таковых и блокирующую естественное разрешение назревших противоречий. Не раз в российской истории реформы подводили страну к политическим и социальным потрясениям, к периодам «смуты». Кроме того, монополия государства на осуществление модернизационного процесса оборачивается ещё одним обстоятельством весьма негативного свойства. Модернизация посредством «революции сверху» не учитывает социокультурную специфику страны, рассматривая некоторые её характеристики как подлежащий упразднению анахронизм, а внедряемые насильственно «западные» элементы современности деформируют либо даже разрушают системную целостность сложившейся цивилизации. В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т. п. всякий раз выступают лишь в качестве объекта преобразования, но никогда – в качестве его опоры или стимула к изменениям. Их активный потенциал оказывается невостребованным. Накопленные за предшествующий период культурные и экономические силы общества отрицаются как ненужные, отжившие, негодные для дела обновления. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что государство само удерживает общество в своеобразном переходном состоянии от традиции к современности.

Следующая, связанная с предыдущей, особенность модернизационного процесса в России состоит в периодически выражающейся разнонаправленности процессов модернизации государства и модернизации общества. Из-за неразвитости гражданского общества и исключительной роли государства в России, широкие общественные преобразования постоянно подменяются модернизацией самого государства либо только тех сфер, к которым оно имеет непосредственное отношение – его военной мощи, бюрократического аппарата, репрессивных органов, государственного сектора экономики и т. п. В итоге задачи форсированной военно-индустриальной модернизации, усиления державного могущества часто реша-

ются за счёт контрмодернизации и даже частичной «архаизации» общества как такового, которое впадает в состояние стагнации. Пожалуй, именно в России это расхождение модернизационных процессов в государстве и обществе становится столь сильным, что внедрение современных и даже наукоемких производств в военизированных отраслях государственной экономики может происходить за счёт восстановления тотального коллективизма и деиндивидуализации социума, ликвидации частной собственности, сворачивания интенсивного развития в пользу экстенсивного и других подобных процессов, усиливающих характеристики не современности, а скорее архаичности (или псевдоархаичности) общественной эволюции. Игнорирование этих разнонаправленных тенденций в российском модернизационном процессе, как нам представляется, существенно затрудняет его осмысление.

Ещё одна общая особенность движения России к современности в сравнительно-страновой перспективе заключается в долго существующих и глубоких культурных и идейно-политических расколах общества в его отношении к определённым фазам модернизации (например, преобразованиям Петра I) и к основным направлениям дальнейших эволюционных изменений как самой политики, так и общества в целом. Это качество было отмечено целым рядом исследователей, в том числе А. С. Ахиезером, Б. С. Ерасовым, В. Б. Пастуховым и другими [3; 4; 5]. Согласно Ахиезеру, социокультурный раскол, пронизавший не только все отношения, институты, нравственность в обществе, но и саму личность, её мышление, поступки, деятельность, определяет весь путь развития России [8; 9; 10].

Итак, сущность модернизации для западных обществ заключалась в приспособлении лишённой для динамичного саморазвития неевропейских социально-экономических и политических структур к вызовам изменившейся эпохи. В XIX – XX веках этот вызов обрёл чёткие очертания западной рыночно-частнособственнической структуры со всеми свойственными ей цивилизационными характеристиками и институци-

ональными нормами. Во имя выживания неевропейский мир должен был принять и признать всемогущество рынка, частной собственности и экономических свобод, а также значимость тесно связанных с ними иных институтов гражданского общества и правового государства.

И всё же любая модернизация, кроме западной, неизбежно будет «догоняющей» в силу того, что, во-первых, хронологически она будет следовать позже, а во-вторых, предпринимается она, как правило, в поисках адекватного ответа на предъявляемый самим существованием модернизированного Запада вызов. Главная черта догоняющего развития – формирование современных политических, экономических, духовных структур не в результате естественного, автохтонного саморазвития общества, а под воздействием на него опыта, отношений, экономики и культуры более развитых стран. В России этому благоприятствовали геополитическое положение и вовлеченность в европейскую политическую историю. Новые формы отношений не состыковывались с господствующим укладом жизни населения, со всем массивом традиций и привычек народа, так как не были подготовлены внутренним развитием; их создавали в ответ на сдвиги в капиталистических метрополиях, и прежде всего в Европе. В качестве примера можно сослаться на насаждение государством крупной промышленности после реформ 1861 – 1864 годов, «введение» социализма во главе с большевиками в стране среднеслабого развития капитализма или же утверждение парламентарно-демократических институтов после 1991 года.

Вот почему вестернизация всегда шла в России болезненно, сопровождаясь дезинтеграцией и ломкой старого. Государство широко пользовалось неэкономическими, насильственными мерами, а политическая, социальная и экономическая сферы общества развивались рассогласованно.

Отрицательные стороны такой модели модернизации очевидны. В. Г. Федотова относит к ним угрозы традиционной культуре, конфликтогенное усиление социального неравенства в результате возникновения

«анклавов современности», копирование стереотипов, уже отброшенных западной цивилизацией (и соответственно, повторение сделанных на этом пути ошибок), распад старых механизмов поддержания социального порядка при невозможности быстрого внедрения новых [11]. Однако поиск методов сведения к минимуму негативных эффектов «догоняющей» модернизации не может упразднить саму её «догоняющую» природу, а вопрос об отказе от модернизации как таковой в реальной политике, как правило, не ставится.

Таким образом, единственным очагом и центром модернизации был и остаётся Запад. Нигде более этот процесс становления не протекал органично, системным образом, вырастая из внутренних потенций и распространяясь на все стороны бытия. Тем не менее, успешность модернизации в незападных обществах во многом зависела от того, насколько процесс изменений протекал органично, то есть вписывался в национальные институты, воспринимался обществом или хотя бы его достаточно значительной частью как естественный и поддерживался ими. Но если для Запада модернизация была естественным, органичным процессом, то для России и большинства неевропейских обществ, вынужденным шагом принятым, либо самостоятельно, либо под влиянием извне. В России, в отличие от Европы и Северо-Американского континента (США, Канада), не сформировалось гражданское общество, и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях. Российские модернизации, начиная с Петра I и кончая перестройкой, были мобилизационными, тогда как западноевропейские стимулировались «из недр» самого общества [6]. Концепция «общественного договора» и функций государства в качестве «медиатора» между различными социальными слоями, регионами, народностями, исполняющего «волю» граждан, не вполне свойственна ни российскому, ни советскому, ни постсоветскому государству.

Отсюда вполне понятен исторический разрыв в протекании модернизационных процессов для различных стран. В России

она так и осталась незавершенной. Лишь одна из составляющих модернизационного процесса была реализована в российском обществе в советский период отечественной истории – индустриализация.

Господствующая в сознании субъектов трансформационного процесса в России, как в прошлом, так и зачастую в настоящее время, технократическая идеология, обусловила распространение в обществе убеждений о том, что научно-техническое перевооружение общественного производства, осуществление индустриализации достаточно для достижения определённых мировых стандартов, системного улучшения параметров функционирования социальной системы. Попытки представить в обществоведческой литературе, будто модернизация начинается с преобразований техники и производства, с перемен в экономических отношениях, а затем уже охватывает все иные сферы общественной жизнедеятельности, включая политику, право, культуру, идеологию и многие другие, не соответствует действительности. Модернизация отнюдь не сводится и не исчерпывается индустриализацией. Приверженцы технократического мышления не учитывают того значения, которое имеет развитие человека и его деятельности для общественного обновления. Индустриализация никогда не станет устойчивым фактором общественного развития и не произойдёт становление современного, научно-технического, инновационного типа общества без интериоризации в индивидуальном и массовом сознании социокультурных ориентаций, конституирующих обновляющийся социум. Иными словами модернизация неотъемлемо связана с распространением культуры «модернити».

Культура «модернити» предполагает доминирование в индивидуальном и массовом поведении рационалистических действий, утверждение «достижительных» ориентаций человеческой деятельности, снятие традиционалистских барьеров и традиционалистских способов регуляции. В экономическом поведении – это ориентация людей на преумножение материального, вещного богатства, трудовая аскеза, сциентизм, инструментальное отношение к природе и технический про-

гресс. В политике – приверженность идеям социального равенства и индивидуальной свободы, индивидуализм, определяющие становление институтов гражданского общества и политической демократии. А, в конечном счете, это – изменение иерархии базовых ценностей общества и более того, структур индивидуального мышления и личностной организации, формирование нового типа человека, готового к постоянным переменам в производстве, технологиях и потреблении, в правовых нормах и политических институтах, ценностях и образе жизни, и, пожалуй, самое важное, способного инициировать такие перемены.

По сути, модернизация – это многоуровневый, комплексный процесс трансформаций всех сфер повседневной и общественной жизни, и экономической, и правовой, и политической, и культурной, и социальной, несводимый к какому-либо одному изменению. Изменения в этих сферах связаны между собой и коррелируют друг другу. Если между ними происходит расстыкование, то и результаты модернизации оказываются частичными, ограниченными. Именно во многом по этой причине в России ни одна из волн модернизационного процесса не была завершена и не привела к ожидаемому результату. В XIX веке модернизационные процессы скрывались полуфеодальными политическими институтами и традиционными ценностно-мотивационными установками крестьянства, превалирующего большинства населения тогдашней России. В советской России, даже при наличии значительных успехов в проведении индустриализации, модернизация не могла быть завершена, как и индустриализация не стала устойчивым фактором экономического развития, в отсутствии политических свобод, гражданского общества, развитых рыночно-частнособственнических институтов и подавлении и искоренении социокультурных, мотивационных и аксиологических установок либерально-рыночного типа, частной индивидуальной инициативы. Словом, модернизация России – задача, выходящая за рамки экономической и политической сфер. Её суть – в самоизменении общества и принятии народом не просто иных

социально-экономических условий или политических форм, но и иного типа социокультурного развития.

Внутренние источники модернизации – это не наука и техника, при всей их значимости, а такие продукты западной культуры, как индивидуальная инициатива и внутренняя аскеза. Успешное развитие модернизационных процессов не возможно без создания устойчивых этических оснований социальной деятельности и функционирования социальных институтов.

Ни одна волна модернизации, переживаемой Россией, не могла быть завершённой ещё и потому, что осуществлялись они «сверху», без поддержки «низов», что не давало импульс к самомодернизации, распространению преобразований и «вширь» и «вглубь». Модернизация должна стать общенациональной стратегией – только в этом случае будет обеспечена мобилизация и концентрация всех ресурсов страны для решения задач модернизации. Поэтому в стране должны сложиться: во-первых: единство активной части общества, готовой сознательно и в течение длительного времени осуществлять стратегию модернизации как свой главный материальный интерес; и, во-вторых: стратегически мыслящая элита. Чтобы не дискредитировать свои цели перед лицом большинства граждан, эта элита должна быть не только стратегически мыслящей, но и социально ответственной. Для реализации указанных двух условий должны сложиться соответствующие им механизмы социальной, политической, идеологической и культурной мобилизации – как для широких слоёв населения, так и для элиты.

Неслучайно на протяжении истории российских реформ реальная модернизация, в её целостности отторгалась обществом. Современная Россия, в конце XX – начале XXI века, исторически так и не решив проблемы модерна, вынуждена их решать уже в эпоху постмодерна.

Очевидно, что Россия прошла лишь один из этапов модернизации. Была осуществлена индустриализация, хотя и не устойчивая, подтверждением чему является процессы деиндустриализации, проявившиеся в 90-е

годы прошлого столетия, была создана система образования, медицинского обслуживания, науки и соответствующие инфраструктуры. В сегодняшней России модернизационные меры должны быть направлены, прежде всего, на создание новых социокультурных механизмов, которые ранее не были созданы. Рыночные структуры не работают без соответствующего культурного сдвига, появления определённого типа личности, а политическая демократия – без институтов гражданского общества. В российском обществе, уже во многом утратившим культурную традиционность, либеральные принципы так и не стали доминирующими, а без них невозможно осуществление модернизации. Поэтому основной проблемой новейшей российской модернизации является укоренение в обществе либеральных ценностей. Либеральные ценности, личная свобода человека соединённые с правосознанием и законопослушанием при правовом регулировании общественной жизни должны стать залогом завершения модернизации в России уже в XXI веке. Проблема культурных идеалов и социокультурных ценностей есть для России проблема выбора своего будущего.

Литература

1. Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. – 1999. – Том 4. – №3 (Лето). – С. 20.
2. Дискин И. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. – 1999. – Том 4. – №3 (Лето). – С. 18.
3. Ерасов Б. С. Одномерная логика российских модернизаторов // ОНС. – 1995. – №2. – С. 68-78.
4. Ерасов Б. С. Россия в евразийском пространстве // ОНС. – 1994. – №2. – С. 57-67.
5. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002.
6. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества. – М.: Эдиториал, 1999. – С. 9.
7. Пастухов В. Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // ОНС. – 2006. – №2. – С.

5-28.

8. Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – №7. – С. 5.

9. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т.– М., 1991.

10. Ахиезер А. С. Россия – расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. – 1995. – №1.

11. Федотова В. Г. Глобальный мир и модернизация // Философские науки. – 2000. – №1. – С.22-28.

Поступила в редакцию

8 декабря 2009 г.

Василий Александрович Чуланов – доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasily Aleksandrovich Chulanov – Ph.D., doctor of philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

Игорь Владимирович Князев – к.с.н., доцент кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам методологии социологических исследований, социальных процессов, структур и институтов.

Igor Vladimirovich Knyazev – Ph.D. candidate of sociology, docent of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author's works are dedicated to problems of sociological researches' methodology, social processes, structures and institutions.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

Василий Игоревич Бондаренко – кандидат социологических наук, докторант кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор монографии и ряда других публикаций по проблемам международного терроризма и социальной глобализации.

Vasily Igorevich Bondarenko – Ph.D., candidate of sociology, works for doctor's degree at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author of a monograph and numerous other works, dedicated to problems of international terrorism and social globalization.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

IV Всероссийский симпозиум по экономической теории

Организаторы симпозиума: Секция экономики Отделения общественных наук РАН, Институт экономики УрО РАН, Центральный экономико-математический институт РАН, Институт экономики РАН, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Уральский государственный технический университет – УПИ, Российский фонд фундаментальных исследований и Российский гуманитарный научный фонд при информационной поддержке «Журнала экономической теории» и журнала «Экономическая наука современной России».

Симпозиум состоится 29 июня – 2 июля 2010 года в городе Екатеринбурге. Пленарное заседание будет проведено 29 июня. Секционные заседания запланировано провести 29 июня – 2 июля в аудиториях Института экономики УрО РАН.

Работа Симпозиума будет проходить по следующим научным направлениям.

1. Политическая экономия.
2. Миниэкономика (экономика фирмы).
3. Микроэкономика (экономика локальных рынков).
4. Мезоэкономика (региональная экономика).
5. Макроэкономика (национальная экономика).

Планируется разделение научных направлений на отдельные секции (продолжительностью 2 часа) с участием 4-5 докладчиков и формированием оппонентов по докладам.

Для участия в симпозиуме необходимо до 15 марта 2010 года направить в адрес Оргкомитета тезисы доклада и заявку. Объем тезисов доклада не должен превышать *три* полные страницы.

Адрес Оргкомитета симпозиума:

620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, Институт экономики УрО РАН, каб.306.
Тел.: (343) 371 02 54; факс: (343) 371 02 23. e-mail: etheory2010@yandex.ru
